

У Яньцю

Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю, КНР
ORCID ID: 0000-0001-7457-1867

Н. А. Абуева

Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю, КНР
ORCID ID: 0000-0002-7550-9261

E-mail: 254319172@qq.com; abu2007@bk.ru.

Полемика о национальном вопросе и общественно-культурных проблемах в трудах и дискуссиях российской диаспоры

АННОТАЦИЯ. В статье авторами ставится цель раскрыть проблему многоликости российской постреволюционной эмиграции — национальный вопрос. Этот вопрос будоражил сознание как русской эмигрантской общественности, так и представителей разных этнических групп, оказавшихся в изгнании. И это не было случайным. Эта проблема, бывшая одной из самых сложных, запутанных в общественно-политической жизни для дореволюционной России, продолжала горячо обсуждаться русской интеллигенцией, оказавшейся за границей.

Новизна научной статьи состоит в раскрытии различных аспектов национального вопроса в трудах и дискуссиях российской диаспоры. Естественно, многих ее представителей волновал национальный вопрос. К тому же, находясь вдали от Родины, за границей, умеренная эмигрантская общественность внимательно следила за происходившими в СССР общественными, экономическими, политическими и иными событиями.

Обзор трудов и содержания дискуссий, проходивших в рядах многоликости российской эмиграции по национальному вопросу и национальному строительству, свидетельствует о том, что оказавшиеся волею судеб вне родины представители интеллигенции и политической деятельности разных национальностей не смогли подняться выше классово-политических антипатий, избежать политизации оценок происходивших в 1920—1940-е гг. и в СССР, и в эмиграции перемен. Им было трудно уйти от субъективизма и политических пристрастий в оценке таких сложных вопросов, как нация, национальный вопрос, национальная идея.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальный вопрос; полемика; российская диаспора; русская эмиграция; социокультурная адаптация; национальная культура; русский язык; китайский язык; национальные традиции; русская интеллигенция.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: У Яньцю, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Института европейских языков, Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю; 312000, No.428 Kuaiji Road, Yue Cheng District, Shaoxing, Zhejiang.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Абуева Нурбану Адильбековна, доктор политических наук, визит-профессор Института европейских языков, Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю; 312000, No.428 Kuaiji Road, Yue Cheng District, Shaoxing, Zhejiang; e-mail: abu2007@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: У Яньцю. Полемика о национальном вопросе и общественно-культурных проблемах в трудах и дискуссиях российской диаспоры / У Яньцю, Н. А. Абуева // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 188-195. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_02_18.

Одним из «камней преткновения» многоликостью российской постреволюционной эмиграции был национальный вопрос. Он будоражил сознание как русской эмигрантской общественности, так и представителей разных этнических групп, оказавшихся в изгнании. И это не было случайным. Самый сложный, самый запутанный вопрос общественно-политической жизни дореволюционной России продолжала горячо обсуждать русская интеллигенция, оказавшаяся за границей.

Значительную часть беженцев, с одной стороны, составляла образованная русская интеллигенция, воспитанная в национальных традициях, которая сохраняла чувство духовной общности с Родиной, сопричастности к русскому языку и культуре. С другой

стороны, в изгнании оказалась огромная этнически многослойная масса нерусских эмигрантов, которая была настроена не только антисоветски, но и активно участвовала в антирусских движениях. Как и белоэмигрантов, этих людей материально подпитывали правительства и националистические организации разных стран.

Что ждет русскую нацию и ее духовную жизнь в будущей освобожденной России? Как отзовется на судьбах русского и других народов страны национальная политика большевиков? Эти и другие вопросы волновали тех и других. Крайние, особенно украинская, польская и прибалтийские, эмигрантские группировки, воодушевленные вильсоновской концепцией «Каждой нации свое государство», ратовали за раскол ве-

ликой России и стремились получить независимость.

Среди причин наметившегося в СССР подъема умеренные эмигранты выделяли и меры большевиков в области национальной политики. Об этом писали из Харбина кадет Н. В. Устрялов, писатель В. Н. Иванов и др. Они, как и многие другие эмигранты, воспринимали образование СССР как восстановление целостности России. Этот факт имел положительный резонанс на фоне распавшейся на несколько государств Австро-Венгерской империи.

Украинские же националисты в эмиграции выступали за самостоятельную Украину, что могло спасти их от большевистского гнета.

Общие настроения всей украинской диаспоры за рубежом выразил 21 марта 1921 г. бывший гетман Украины генерал П. П. Скоропадский: «...будучи украинской и в тот момент, когда Украина находится в борьбе за своё право на жизнь и не имеет ниоткуда поддержки, говорить о федерации с Великороссией, которая существует и имеет значительно меньше шансов существовать в данное время как народ, живущий действительно своей жизнью, своим умом и т. д., это толкало свой родной край в пропасть, от которой его можно было удержать и потому эту точку зрения я нахожу лишённой моральной подкладки» [Дороченков 2001: 69].

Идею сепаратизма поддержало правое крыло польской колонии Харбина и Шанхая, другие националистические группировки в Маньчжурии и на севере русского Китая. «Тюрко-татарские народы едины, — писал идеолог независимости государственности всех тюркоязычных народов России Г. Исхаки, — но русские делят их на татар, башкир, узбеков, мещеряков, киргизов, казахов и т. д.». [Гайнетдинов 1997: 71].

Вообще татаро-мусульманская диаспора в эмиграции держалась особняком, не вступая в тесные контакты с представителями других национальных колоний. Ее лидеры призывали иноверцев бороться с Советской Россией и сформировать на ее развалинах мусульманско-тюркские регионы нового государства. Основная идейно-политическая деятельность мусульманской диаспоры в Китае развивалась вокруг пропаганды идеи самостоятельного тюрко-татарского государства «Идель-Уральский штат» с включением в него российских территорий, населённых татарами, башкирами и другими националистами мусульманского вероисповедания. Со страниц своих газет и журналов, издававшихся в Шанхае и Харбине, лидеры татарской диаспоры призывали и к вооружённой борьбе с большевиками.

Часть харбинской группы эмигрантов, в числе которых были министры бывшего белогвардейского Сибирского правительства, представляла сибирских областников-сепаратистов. Она выступала за полное отделение Сибири от России и переключения ее в «схему» азиатских государств вплоть до союза с Японией.

Один из лидеров шанхайской группы областников И. Н. Шендриков в опубликованной в 1928 г. брошюре «Чего хотят областники-сибиряки» писал: «Они стремятся в данный момент создать Сибирское государство, независимое от СССР» [Аблажей 2003: 128—129].

«Шанхайская заря» и другие издания дальневосточной эмиграции констатировали интерес эмиграции к областническим идеям, отмечая возможность «образования Сибирского государства от Тихого океана до Урала включительно» и «освобождения России под лозунгом „Через свободную Сибирь в свободную Россию“». Подобные заявления признавались многими эмигрантскими деятелями более реалистичными, чем прежние намерения эмиграции организовать «поход на Москву» [Шанхайская заря, 1928: 2].

Заявления областников вызвали дискуссии в среде эмигрантской интеллигенции. В частности, свою оценку этим высказываниям дала украинская эмигрантская пресса [Дальневосточный националист, 1928: 1].

Комментируя эти оценки, один из лидеров областников М. П. Головачев в интервью харбинской газете «Заря» заявил, что «со стороны сибирской идеи отношение в настоящий момент к украинскому движению должно быть самое благожелательное, ибо, стоя на точке зрения отделения Сибири от сегодняшней Москвы на основе чисто национальных, экономических и даже патриотических соображений, сибиряки понимают, что и на Украине могут действовать из тех же побуждений» [Заря (Харбин), 1928: 1]. М. П. Головачев настаивал, что появление сибирского буфера на Дальнем Востоке создаст преграду распространению коммунизма в Азии. Позднее свои идеи он развил в брошюре «Украинцам-сибирякам», вышедшей в Харбине в 1929 г. Дискуссия о сибирском сепаратизме продолжалась и в последующие годы.

В июне 1930 г. в харбинской русско-китайской газете «Гунь-Бао» была опубликована статья украинского националиста Льва Галицкого «Украина и Сибирь», в которой автор заявил о необходимости образования «самостоятельной сибирской державы в форме соединённых штатов от Урала до Тихого океана», подчеркнув при этом важ-

ность «совместной борьбы Сибири и Украины с остальной Россией». В статье он развил свои соображения о необходимости выделения районов, занятых преимущественно украинцами, в особые самоуправляемые области «со своим собственным правительством» [Современные записки, 1930: 406—408].

Оппонентом Л. Галицкого и других сибирских и украинских сепаратистов выступал крупнейший публицист российского зарубежья, русский религиозный философ Г. П. Федотов. В своей статье «Будет ли существовать Россия», опубликованной в 1930 г., он резко критикует «угрожающий сепаратизм, раздирающий тело России» и его пропаганду отдельными эмигрантскими кругами. «Россия становится географическим пространством, бессодержательным, как бы пустым, которое может быть заполнено любой государственной формой». Анализируя современную ему ситуацию, Г. П. Федотов констатирует, что «с Дальнего Востока наступает Япония, вскоре начнёт наступать Китай, и тут мы с ужасом узнаем, что сибиряки, чисто кровные великороссы-сибиряки, тоже имеют зуб против России, тоже мечтают о Сибирской республике — легкой добыче Японии» [Федотов 1999: 496].

Критикуя украинский и сибирский сепаратизм, Г. П. Федотов предупреждает об опасности и татарского сепаратизма, «мечтающего о Казани как столице Евразии».

Украинские, татарские и другие национал-сепаратисты в своих неудачах обвиняли русских, российскую республику Советов. Лишь немногие представители национальной интеллигенции пытались трезво и объективно оценить случившиеся. Они признавали, что народ не пошел за ними из-за их собственных просчетов. Так, украинский писатель В. К. Винниченко признавал: «И не русское советское правительство выгнало нас с Украины, а наш собственный народ, без которого и против которого русские советские войска не могли бы занять ни одного уезда на нашей территории» [Дороченков 2001: 69].

Острым и дискуссионным был национальный вопрос для еврейской интеллигенции, составлявшей значительную часть российской культурной эмиграции. Не случайно Харбин называли в 1920—1930-е гг. крупнейшим сионистским центром. Здесь, как и в других городах Маньчжурии, а также в Шанхае, Тяньцзине и Циндао, кипели страсти, шли споры о будущем еврейской нации. В отличие от других национальных диаспор, эти споры не переходили в острую открытую борьбу, а проходили в дискуссиях, на страницах газет журналов, вечерах и собраниях.

Хотя евреи в эмиграции чувствовали себя более комфортно, чем в царской России, вместе с тем против них нередко устраивались нападки хулиганского действия и провокации антисемитов, происходили похищения богатых евреев, нападения хунхузов. Кроме того, несмотря на отсутствие законных оснований, представителям советских органов в полосе отчуждения КВЖД удавалось чинить всевозможные препятствия еврейским эмигрантским организациям. С еврейской общиной борьба велась в духе проходившей в СССР антирелигиозной и антиссионистской кампании. В своих воспоминаниях руководитель еврейской общины А. И. Кауфман приводит один пример такого рода. «В 1937 г. еврейская и сионистская общественность решила устроить большой концерт еврейской музыки... Готовившийся вечер...» вызвал огромный интерес еврейского и нееврейского населения Харбина, все билеты были проданы в течение двух дней, но концерт не состоялся под нажимом советского «союза профсоюзов», обвинившего устроителей в контрреволюции и сионизме [Романова 2001: 228].

Как отмечает профессор В. В. Романова, еврейская община в Маньчжурии, как и в других центрах русской эмиграции Китая, основное внимание в своей деятельности уделяла вопросам повседневной жизни, она стояла в стороне от всех других проблем либо обращалась к ним в той степени, в какой они затрагивали интересы еврейства. Как общественная структура города Харбина она всегда живо откликалась на все общественные нужды, но не вмешивалась в политическую борьбу. Община, не вникая глубоко в политические дискуссии, которые постоянно сопровождали общественную жизнь эмиграции, выражала свое отношение к ним лишь в контексте евразийских проблем [Романова 2001: 228].

Осуждая политику коммунистов по отношению к сионизму, гонения на иврит, закрытие синагог и репрессии в отношении раввинов, община вместе с тем неизменно отмечала проводимую в Советском Союзе борьбу против антисемитизма. Все попытки перетянуть еврейскую общину в тот или иной политический лагерь эмиграции встречали противодействие. Когда в одной из харбинских газет появилась статья некоего Смирнова, который, желая «защитить» евреев от обвинений в приверженности к большевизму, утверждал, что евреи всегда были и остаются на стороне Белого движения, журнал «Еврейская жизнь» поместил следующий ответ: «Вовсе не нужно разделять точку зрения большевизма или быть в

рядах коммунистов, даже более того, можно негодовать против гонений на еврейский язык, ни на чем не основанных гонений на еврейский язык, но нельзя отрицать фактов... Советская власть борется с антисемитизмом, жестоко наказывая погромщиков». Статья заканчивалась словами: «Нет, господа Смирновы, с вами нам не по пути» [Еврейская жизнь, 1925: 4].

Наряду с этим, община всегда дистанцировалась от советских организаций, действовавших на КВЖД.

Однако неправильным было бы считать всю еврейскую общину слабо участвующей в политической жизни. В условиях японской оккупации Маньчжурии с 1931 г. община вынуждена была приспособливаться к новому режиму. Еврейские организации, в такой же мере, как и все остальные эмигрантские объединения в Маньчжоу-Ди-Го, могли существовать только при условии абсолютной лояльности к японским военным властям и выполнения их распоряжений.

Выражение такой лояльности со стороны еврейской общины не являлось только следствием японского давления. В условиях, когда евреи стали подвергаться жесточайшим преследованиям в Германии и других странах Европы, Япония, несмотря на союзнические отношения с Германией, не поддерживала политику антисемитского геноцида, более того, принимала беженцев-евреев из Европы. Идеологическая работа японских властей среди населения Маньчжурии строилась на основе внедрения прояпонской ориентации, пропаганды идей объединения всех наций и народностей Маньчжоу-Ди-Го с целью установления «нового порядка в Восточной Азии» и борьбы с коммунизмом. Каждое общественное объединение, получившее разрешение на легальную деятельность, должно было в той или иной степени выражать свою поддержку этим принципам.

Так, состоявшиеся в Харбине три съезда еврейских общин Востока Азии обратились ко всему еврейству Дальнего Востока с призывом «сплотить свои ряды и вместе с другими народностями оказать активное содействие развитию молодого государства Маньчжоу-Ди-Го и всемерную поддержку японской империи в создании сферы совместного процветания народов Великой Восточной Азии» [Великая Маньчжурская империя: к 10-летию юбилею, 1942: 314—315].

В целом японские хозяева Маньчжурии демонстрировали лояльное отношение к национальным традициям и обычаям всех населявших ее народов. На территории Маньчжоу-Ди-Го мирно сосуществовали различные религиозные конфессии, крупные

этнические группы имели свои национальные организации. Интересы россиян, принадлежавших к различным национальным группам, представляли Украинская национальная колония, Национальный совет евреев Восточной Азии, Грузинская национальная колония, Национальное армянское общество, Тюрко-татарская духовная национальная община. Как следовало из официальных документов, национальные группы были объединены вокруг Бюро по делам эмиграции на равных основаниях.

Создавая условия для сохранения этнокультурной целостности российской эмиграции, японские власти стремились противопоставить национальную идею идеологии Коминтерна [Аурилене, Потапова 2004: 51].

Но вернемся к еврейской диаспоре. Большинство исследователей российской эмиграции, изучая общественную жизнь евреев, приходят к выводу о том, что они в своей массе, как и русские эмигранты, были толерантны и терпимо относились к представителям других национальных диаспор. В. В. Романова отмечает, что условия жизни в Харбине со временем сформировали своеобразный культурно-психологический тип местного еврея. Будучи корнями связан с Россией и русской культурой, он обрел возможность свободно изучать культуру, язык, историю и традиции собственного народа. Харбинские евреи в основном были зажиточными и отличались достаточно высоким образовательным и культурным уровнем. Отличаясь культурной и религиозной толерантностью, они, как правило, не ассимилировались и проявляли приверженность к национальным ценностям и традициям, в числе которых филантропия и солидарность стояли в ряду важнейших. Условия жизни, воспитание и образование сформировали у харбинского еврея развитое чувство собственного национального достоинства и готовность его отстаивать [Аурилене, Потапова 2004: 51].

В целом харбинские евреи по своей ментальности значительно отличались от тех местечковых евреев царской России, которые являлись жертвами погромов. Это было особенно очевидным в 1930—1940-е гг., когда община не только вела антинацистскую пропаганду и оказывала посильную помощь беженцам из Европы, но и давала отпор, в том числе физический, членам местной Русской фашистской партии, созданной в 1931 г. К. В. Родзаевским.

Национальная идея и национальные проблемы России волновали и эмигрантов-сменовеховцев. «Харбинский мыслитель» Н. В. Устрялов и его единомышленники на

страницах газет и журналов, в студенческих аудиториях и в переписке вели дискуссии о сущности национализма, выступали адептами национал-большевизма, спорили с идеологами европейского и азиатского фашизма. Они внимательно следили за решением национального вопроса в СССР, призывали сотрудничать с советской властью во имя будущей Великой России.

В книге «В борьбе за Россию» Н. В. Устрялов в рамках политической философии пытается сформировать русскую национальную идею, в основе которой лежала формула «национал-патриотизм, эволюционизм, великая государственность и русская культура». Данная русская идея, ставшая теоретическим фундаментом «сменовеховства», требовала пересмотра взглядов российской интеллигенции на природу революции. Суть революции, по Устрялову, в отрицании западной модели развития для России, заложенной еще Петром.

В статье «Политическая доктрина славянофильства» он приводит мысль о том, что возможным следствием революции явится создание единого мощного славянского государства. Подчеркивая славянофильскую идею самобытности исторического развития России, Н. В. Устрялов указывал, что ни в одной стране мира не было столь внушительных революций, «...из интернационалистской Октябрьской революции Россия выйдет национально выросшей, страной крепчайшего национального самосознания». Как и евразийцы, Устрялов был убежден, что большевики, оказавшись у власти, превратятся в националистов, ставящих превыше всего интересы России [Кочубей, Печерица 1998: 117].

Н. В. Устрялов и его единомышленники выступили инициаторами необычного для того времени призыва к соотечественникам — объединить усилия (несмотря на идеологические разногласия) во имя России, не разрушать ее, а обустроить, пусть даже при наличии большевистской власти. Возрождение России должно проходить, считали сменовеховцы, в ее прежних границах. «Первое и самое главное, — подчеркивал Устрялов в известном сборнике «В борьбе за Россию», — собрание и восстановление России как великого и единого государства» [Устрялов 1920: 62—63].

Он последовательно выступал за «собрание» земель, позитивно оценивал деятельность большевистского руководства по восстановлению государственности и укреплению власти центра на всей территории бывшей империи, даже несмотря на то, что эта власть была коммунистической. Отстаивая

лозунг «великой и неделимой России», дальневосточные сменовеховцы были принципиально против всякого буфера, отделяющего «окраину от великой родины». Поэтому они активно выступали за безусловную ликвидацию Дальневосточной республики [Голос Родины 1922: 1].

Взгляды Н. В. Устрялова поддерживает Ю. Н. Потехин, который также не согласен с крайне правыми сепаратистами эмиграции, утверждавшими, что национальные цели и ресурсы России большевики приносят в жертву интернационалу. Как раз наоборот: народ постоянно перерабатывает интернациональную власть, приспособляя ее к своим потребностям, заставляя служить национальным целям. Это особенно проявилось во внешней политике советской власти. Европа прислушивается к голосу Москвы, потому что московское правительство имеет широкое влияние на рабочие массы Запада, растет влияние России и на Востоке [Романовский 2009: 243].

Дискуссии о национальном строительстве будущей России продолжались в эмиграции все 20-е гг. Однако в европейском зарубежье эти споры во второй половине 1920-х гг. несколько стихают после прекращения выпуска газеты «Накануне». В дальневосточном русском зарубежье они продолжают благодаря активной публицистической и общественной деятельности Н. В. Устрялова и его харбинских единомышленников.

Устряловские статьи в газетах и журналах Харбина и Шанхая продолжали вызывать острые дискуссии в белоэмигрантской среде. Их оппонентами выступали А. Ф. Керенский, Петр Струве, другие деятели политической эмиграции [Романовский 1996: 116].

«Основная тенденция современности, — пишет Н. В. Устрялов в одной из своих статей, подготовленной к восьмой годовщине революции, — может быть охарактеризована как национализация Октября. Революция входит в плоть и кровь народа и государства. Нация советизируется. И обратно: советы национализируются... Октябрь был великим выступлением русского народа, актом его самосознания и самоопределения...» [Устрялов 1925: 214—216].

«...Национализация октября, — продолжает Устрялов, — заметна не только в свете внутренних процессов, но и в сфере внешнеполитической. Всемирно-исторические и интернациональные программные цели Октябрьской революции под движением разных обстоятельств уходят на второй план. Налицо „стабилизация капитализма“ на Западе. Активность внешней политики Москвы перенесена с Запада на задачи советской

внешней политики — национальное пробуждение колониальных народов Востока [Устрялов 1925: 214—216].

Что касается национального государственного строительства собственно в России (после образования СССР и консолидации наций и народов), то здесь, замечает Н. В. Устрялов, также видна «национализация Октября», хотя и весьма своеобразная. Это не есть реставрация старой, императорской России. «Идёт культурно-национальное оживление народов России, — пишет автор. — Интернационализм сосредоточивается там, где ему и быть в данном случае надлежит: в сфере государственности. Москва — объединяющий государственный центр, и она зорко стоит на страже. Учёные различают государственную нацию от нации в культурном смысле, а эту последнюю — от национальности. На наших глазах формируется советская государственная нация, а поскольку исторически и политически советизм есть русская форма, образ российской нации, вывод напрашивается сам собой» [Устрялов 1925: 216—217]. Таким образом, в большевистской национально-государственной политике Н. В. Устрялов не видит никакой угрозы для русской нации в рамках Советского Союза, она органично и естественно доминирует в ходе российского исторического процесса.

Такая позиция харбинского профессора по национальному строительству России вызвала резкое неприятие в различных кругах эмигрантской многонациональной общности. Его критикуют русофобы, представители русских монархических партий, лидер Русской фашистской партии В. К. Родзаевский и другие правые, выступившие против принципа самоопределения наций и предоставления независимости национальным меньшинствам. Рьяно на него набросились польские, украинские, грузинские и другие националистические издания, выходившие в Париже, Берлине, Праге, а также в Харбине, Тяньцзине и Шанхае. Разжигая национализм и русофобию, они продолжали отстаивать лозунг независимости их наций от великодержавной России.

По нашему мнению, совершенно очевидно, что национальный вопрос волновал многих представителей российской диаспоры.

К тому же, находясь вдали от Родины, за границей, умеренная эмигрантская общественность внимательно следила за происходившими в СССР общественными, экономическими, политическими и иными событиями. Первые успехи в восстановлении народного хозяйства, положительное воздействие НЭПа на стабилизацию обстановки

в стране заставляли задумываться многих противников советской власти, в том числе умеренных сменовеховцев, евразийцев и др.

Национальный вопрос, национальные проблемы России поднимали в своих трудах и дискуссиях евразийцы, представляющие одно из общественно-политических течений российской послереволюционной эмиграции [Кочубей Печерица 1998: 126—132]. Оно возникло после Гражданской войны и существовало до конца 1930-х гг.

Следовательно, обзор трудов и содержания дискуссий, проходивших в рядах многоликой российской эмиграции по национальному вопросу и национальному строительству, свидетельствует о том, что оказавшиеся волею судеб вне родины представители интеллигенции и политики разных национальностей не смогли подняться выше классово-политических антипатий, избежать политизации оценок происходивших в 1920—1940-е гг. и в СССР, и в эмиграции перемен. Им было трудно уйти от субъективизма и политических пристрастий в оценке таких сложных явлений, как нация, национальный вопрос, национальная идея.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблажей, Н. Н. Сибирское областничество в эмиграции / Н. Н. Аблажей. — Новосибирск, 2003. — 304 с. — Текст : непосредственный.
2. Аурилене, Е. Е. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: эмигрантское правительство / Е. Е. Аурилене, И. В. Потапова. — Хабаровск, 2004. — 126 с. — Текст : непосредственный.
3. Великая Маньчжурская империя: к 10-летию юбилею. — Харбин, 1942. — 414 с. — Текст : непосредственный.
4. Гайнетдинов, Г. Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX в. — 30 гг.: исторический очерк / Г. Б. Гайнетдинов. — Набережные Челны, 1997. — 159 с. — Текст : непосредственный.
5. Голос Родины. — 1922. — 7 января. — Текст : непосредственный.
6. Дальневосточный националист. — 1928. — № 2. — С. 38 ; «На Далекому сході». — 1928. — 20 мая. — Текст : непосредственный.
7. Дороченков, А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России / А. И. Дороченков. — Санкт-Петербург, 2001. — 218 с. — Текст : непосредственный.
8. Еврейская жизнь. — 1925. — № 47. — С. 4. — Текст : непосредственный.
9. Заря (Харбин). — 1928. — 15 октября. — Текст : непосредственный.
10. Кочубей, О. И. Евразийство: иллюзии, упования, надежды / О. И. Кочубей, В. Ф. Печерица. — Текст : непосредственный // Исход и возвращение... (русская эмиграция в Китае в 1920—1940 гг.). — Владивосток, 1998. — С. 126—132.
11. Кочубей, О. И. Исход и возвращение... (русская эмиграция в Китае в 20—40-е гг.) / О. И. Кочубей, В. Ф. Печерица. — Владивосток, 1998. — 225 с. — Текст : непосредственный.
12. Романова, В. В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений / В. В. Романова. — Красноярск, 2001. — 287 с. — Текст : непосредственный.
13. Романовский, В. К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890—1937 гг.) / В. К. Романовский. — Москва, 2009. — 606 с. — Текст : непосредственный.
14. Романовский, В. К. Сменовеховство в Дальневосточном зарубежье / В. К. Романовский. — Текст : непосредственный // Проблемы отечественной и всеобщей истории. —

Уссурийск, 1996. — С. 108—122.

15. Современные записки. — 1930. — № 43. — С. 406—408. — Текст : непосредственный.

16. Устрялов, Н. В. В борьбе за Россию / Н. В. Устрялов. — Харбин, 1920. — 82 с. — Текст : непосредственный.

17. Устрялов, Н. В. Национализация Октября / Н. В. Устрялов. — Текст : непосредственный // Под знаком револю-

ции. — Харбин, 1925. — С. 213—214.

18. Федотов, Г. П. Будет ли существовать Россия? / Г. П. Федотов. — Текст : непосредственный // Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг.: документы и материалы. — Москва, 1999. — С. 496.

19. Шанхайская заря. — 1928. — 13 марта. — Текст : непосредственный.

Wu Yanqiu

Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, China

ORCID ID: 0000-0001-7457-1867

N. A. Abueva

Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, China

ORCID ID: 0000-0002-7550-9261

 E-mail: abu2007@bk.ru.

Polemics on the National Issue and Socio-Cultural Problems in the Works and Discussions of the Russian Diaspora

ABSTRACT. *The aim of this article is to explore the problem of the many-sided Russian post-revolutionary emigration — the national issue. This question has excited the consciousness of both the Russian emigrant community and the representatives of various ethnic groups in exile. And it was not accidental. This problem that was the most difficult, most confusing issue of the social and political life of pre-revolutionary Russia, has been heatedly discussed by the Russian intelligentsia living abroad.*

The scientific novelty of the article consists in revealing various aspects of the national issue in the works and discussions of the Russian diaspora. It is quite natural that the national question worried many representatives of the Russian diaspora. In addition, being far from the homeland, abroad, the moderate emigrant community closely followed the social, economic, political and other events taking place in the USSR.

A review of the works and the content of the discussions that took place in the ranks of the multifaceted Russian emigration on the national question and nation-building testifies to the fact that representatives of the intelligentsia and politicians of different nationalities who, by the will of fate, found themselves outside their homeland, could not rise above class political antipathies, and avoid the politicization of assessments of the changes of the 1920s-40s both in the USSR and in the emigration. It was difficult for them to get away from subjectivity and political bias in assessing such complex issues as the nation, the national question, and the national idea.

KEYWORDS: *national issue; polemics; Russian diaspora; Russian emigration; sociocultural adaptation; national culture; Russian language; Chinese language; national traditions; Russian intelligentsia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Wu Yanqiu, Candidate of History, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of European Languages, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, China.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Abueva Nurbanu Adil'bekovna, Doctor of Political Science, Visiting Professor of the Institute of European Languages, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, China.*

FOR CITATION: *Wu, Yanqiu. Polemics on the National Issue and Socio-Cultural Problems in the Works and Discussions of the Russian Diaspora / Wu Yanqiu, N. A. Abueva // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 188-195. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_18.*

REFERENCES

1. Ablazhey, N. N. Siberian Regionalism in Emigration / N. N. Ablazhey. — Novosibirsk, 2003. — 304 p. — Text : unmediated. [Sibirskoe oblastnichestvo v emigratsii / N. N. Ablazhey. — Novosibirsk, 2003. — 304 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

2. Aurilene, E. E. Russians in Manchukuo-Di-Go: the Emigrant Government / E. E. Aurilene, I. V. Potapova. — Khabarovsk, 2004. — 126 p. — Text : unmediated. [Russkie v Man'chzhou-Di-Go: emigrantskoe pravitel'stvo / E. E. Aurilene, I. V. Potapova. — Khabarovsk, 2004. — 126 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

3. The Great Manchu Empire: Towards the 10th Anniversary. — Harbin, 1942. — 414 p. — Text : unmediated. [Velikaya Man'chzhurskaya imperiya: k 10-letnemu yubileyu. — Harbin, 1942. — 414 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

4. Gaynetdinov, G. B. Türko-Tatar Political Emigration: the Beginning of the Twentieth Century — 30th years : historical sketch / G. B. Gaynetdinov. — Naberezhnye Chelny, 1997. — 159 p. — Text : unmediated. [Tyurko-tatarskaya politicheskaya emigratsiya: nachalo KhKh v. — 30 gg.: istoricheskiy ocherk / G. B. Gaynetdinov. — Naberezhnye Chelny, 1997. — 159 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

5. Voice of the Motherland. — 1922. — January 7. — Text : unmediated. [Golos Rodiny. — 1922. — 7 yanvarya. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

6. Far Eastern Nationalist. — 1928. — No. 2. — P. 38 ; “To the Distant Descent”. — 1928. — May 20. — Text : unmediated. [Dal'nevostochnyy natsionalist. — 1928. — № 2. — S. 38 ; «Na Dalekomu skhodi». — 1928. — 20 maya. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

7. Dorochenkov, A. I. Emigrants of the “First Wave” about National Problems and the Fate of Russia / A. I. Dorochenkov. — St. Petersburg, 2001. — 218 p. — Text : unmediated. [Emigratsiya «pervoy volny» o natsional'nykh problemakh i sud'be Rossii / A. I. Dorochenkov. — Sankt-Peterburg, 2001. — 218 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

8. Jewish Life. — 1925. — № 47. — P. 4. — Text : unmediated. [Evreyskaya zhizn'. — 1925. — № 47. — S. 4. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

9. Dawn (Harbin). — 1928. — October 15. — Text : unmediated. [Zarya (Kharbin). — 1928. — 15 oktyabrya. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

10. Kochubey, O. I. Eurasianism: Illusions, Expectations, Hopes / O. I. Kochubei, V. F. Pecheritsa. — Text : unmediated // Exodus and Return ... (Russian Emigration in China in 1920—1940). — Vladivostok, 1998. — P. 126—132. [Evraziystvo: illyuzii, upovaniya, nadezhdy / O. I. Kochubey, V. F. Pecheritsa. — Текст : непосредственный // Iskhod i vozvrashchenie... (russkaya emigratsiya v Kitae v 1920—1940 gg.). — Vladivostok, 1998. — S. 126—132]. — (In Rus.)

11. Kochubey, O. I. Exodus and Return ... (Russian Emigration in China in the 1920s—1940s) / O. I. Kochubei, V. F. Pecheritsa. — Vladivostok, 1998. — 225 p. — Text : unmediated. [Iskhod i vozvrashchenie... (russkaya emigratsiya v Kitae v 20—40-e gg.) / O. I. Kochubey, V. F. Pecheritsa. — Vladivostok, 1998. — 225 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Romanova, V. V. Power and Jews in the Far East of Russia: the History of Relationships / V. V. Romanova. — Krasnoyarsk, 2001. — 287 p. — Text : unmediated. [Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya vzaimootnosheniy / V. V. Romanova. — Krasnoyarsk, 2001. — 287 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Romanovskiy, V. K. Life Path and Work of Nikolai Vasilievich Ustryalov (1890—1937) / V. K. Romanovsky. — Moscow, 2009. — 606 p. — Text : unmediated. [Zhiznennyy put' i tvorchestvo Nikolaya Vasil'evicha Ustryalova (1890—1937 gg.) / V. K. Romanovskiy. — Moskva, 2009. — 606 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Romanovskiy, V. K. Smenovekhovstvo in the Far East Abroad / V. K. Romanovsky. — Text : unmediated // Problems of National and World History. — Ussuriisk, 1996. — P. 108—122. [Smenovekhovstvo v Dal'nevostochnom zarubezh'e / V. K. Romanovskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii. — Ussuriysk, 1996. — S. 108—122]. — (In Rus.)
15. Modern Notes. — 1930. — No. 43. — P. 406—408. — Text : unmediated. [Sovremennyye zapiski. — 1930. — № 43. — S. 406—408. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
16. Ustryalov, N. V. In the Struggle for Russia / N. V. Ustryalov. — Harbin, 1920. — 82 p. — Text : unmediated. [V bor'be za Rossiyu / N. V. Ustryalov. — Kharbin, 1920. — 82 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
17. Ustryalov, N. V. Nationalization of October / N. V. Ustryalov. — Text : unmediated // Under the Sign of Revolution. — Harbin, 1925. — P. 213—214. [Natsionalizatsiya Oktyabrya / N. V. Ustryalov. — Tekst : neposredstvennyy // Pod znakom revolyutsii. — Kharbin, 1925. — S. 213—214]. — (In Rus.)
18. Fedotov, G. P. Will Russia Exist? / G. P. Fedotov. — Text : unmediated // Political History of the Russian Emigration of 1920—1940: Documents and Materials. — Moscow, 1999. — P. 496. [Budet li sushchestvovat' Rossiya? / G. P. Fedotov. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya istoriya russkoy emigratsii 1920—1940 gg.: dokumenty i materialy. — Moskva, 1999. — S. 496]. — (In Rus.)
19. Shanghai Dawn. — 1928. — March 13. — Text : unmediated. [Shankhayskaya zarya. — 1928. — 13 marta. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)